

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК РОМАН: «АНАФЕМ» НИЛА СТИВЕНСОНА

Вольф М. Н.

Институт философии и права СО РАН, кафедра философии,
зав. кафедрой, доц.

В статье рассматривается роман Н. Стивенсона «Анафем» как, с одной стороны, историко-философский квест, который позволяет лучше понять и усвоить историю западной философии, с другой – как кейс, который позволяет подойти к решению амбициозной и фантастической задачи: решить платоновскую проблему причастности через концепцию «сложного протезизма». Оба этих пути прочтения романа заставляют относить его скорее к жанру фэнтези, чем научной фантастики.

Ключевые слова: историко-философский роман, платонизм, софистика, научная фантастика.

Жанр философского романа знаком многим. Кто-то отнесет к нему книги Толстого и Достоевского, кто-то – Пелевина, Кафку, Камю, для некоторых – это Эко, Фаулз, Коэльо. Если говорить о жанре фантастического философского романа, наверное, большинство сойдется на том, что это «Солярис» Лема. Основным критерием выделения философского романа из множества других жанров, при всей размытости термина и субъективности литературных предпочтений, является, пожалуй, его функция: в идеале он, как

и философия, формирует мировоззрение; как минимум, учит строить человеческие отношения, прививает навыки успешной коммуникации, пропущенные через призму философской антропологии. Как правило, это книги, как выразилась бы Кэрролова Алиса, в которых полно разговоров. Таких, которые хочется поскорее пролистать, чтобы вернуться к сюжету, однако интрига такого романа в том, что разговоры в нем и формируют его сюжет. Любой, кто сталкивался с философией, знает, что у нее есть своя история. Другой стороной философского романа является литература, которая отражает в своих сюжетах те или иные важные для истории философии события или значимых персонажей; к таким романам можно отнести «Таис Афинскую» Ефремова или блистательный «Имя Розы» Эко.

Ясно, что у философии и литературы масса точек пересечения, как в отношении функции, так и сюжетных поворотов. Но можем ли мы допустить, что сама история философии превратится в фантастический роман? Обычно бывает наоборот: идеи фантастов однажды воплощаются в науке или философии. Что необыкновенного можно отыскать в идеях давно ушедшего прошлого? Те, что были нам по нраву, мы взяли из прошлого с собой, и они надежно запротоколированы в наших учебниках философии; что не прошло проверки временем, осталось забытым. История философии сегодня переживает непростые времена. Многие считают ее антикварным предприятием, су-

шествующим ради самого себя, архивом, надежно хранящим давно устаревшие, а потому никому не нужные знания. Выход, который предлагается из этого антикварного тупика, – история философии или должна сама стать философией, или хотя бы начать говорить с философией на языке современности, адаптируясь под нужды и задачи сегодняшних интеллектуальных реалий.

Пока историки философии ломают копья над этим вопросом, Нил Стивенсон, как кажется, предложил если не решение, то, по крайней мере, удачный рабочий вариант, который показывает, как и почему история философии может и должна быть востребованной. Его «Анафем» [1] вполне может претендовать на то, чтобы выступить в роли учебника истории философии, который не только показывает, каковы были идеи прошлого, не только меру владения ими нашим сознанием, но и то, насколько они пересекаются с современными философскими и научными подходами. Структура книги как нельзя лучше подготовлена для этой задачи: ее открывает хронологическая шкала с основными философскими датами, в самом тексте часть его излагает «архаическую» историю философии, другая – современные идеи науки и философии, плотно основанные на «архаике», в конце книги – философский словарь основных терминов. Все это дополнено материалами для трех семинарских занятий, «кальками», снабженными чертежами и схемами, которые позволяют наглядно проиллюстрировать не-

простые теоретические вопросы (и еще один «кальк» встречается в самом теле романа, он не потребовал чертежей, представляя собой мысленный эксперимент). Проблема только в том, что эта история философии происходит в совершенно другом мире, с участием совершенно иных персонажей, чем мы привыкли. Так что же, Стивенсон создает новую философию?

Итак, мы попадаем в мир, 7000-летняя история которого насчитывает одну природную и три техногенных катастрофы (управление ядерным синтезом, работа с генетическими цепочками, необычные практики инкантеров и риторов, связанные с возможностью управления прошлыми и будущими событиями), в результате которых прикладная наука запрещена, а теоретическая наука и философия могут осуществляться только в пределах закрытых от внешнего мира *матиках* (своего рода монастырях) *инаками* (учеными-монахами), чьи действия и жизнь жестко регламентированы уставом и канонами. Имеется четыре типа матиков: однолетний (в основном для мирян, желающих связать свою жизнь с политической карьерой), десятилетний, столетний и тысячелетний. Переход из матика в матик жестко ограничен, покинуть матик можно только в трех случаях: добровольно, если инак чувствует, что не в состоянии заниматься наукой и не хочет оставаться в матике в качестве технического персонала; если инак нарушает каноны, и его изгоняют («анафем»); если мирским властям в случае чрез-

вычайной ситуации необходима помощь или вмешательство ученых (процедура *воко* и организация *конвокса*, всего их было пять в истории мира; события романа описывают шестой). Во всех случаях возврат в матик невозможен. Повествование ведется от лица главного героя, фраа Эразмаса, инака десятилетнего матика концента св. Эдхара. Эразмас переживает, что не соответствует образу классического ученого: он скорее сильный, чем умный. Ему предстоит пережить анафем своего наставника, затем воко, на которое призывают почти всех членов его концента, достаточно изоощренных в теорике, а также молодых и смелых для того, чтобы решать нетрадиционные теоретические задачи и принимать нестандартные управленческие решения. Суть проблемы – прибытие на орбиту Арба (так называется мир) инопланетного корабля, который, как вскоре выясняется, настроен не слишком дружелюбно.

В целом «Анафем» – это спекулятивный фикшн, жанр, к которому относят и фэнтези, и фантастику, и утопию, и альтернативную историю. Когда «Анафем» только вышел в свет, один из американских критиков, к всеобщему изумлению, причислил его к жанру фэнтези, тогда как в российском книгоиздательстве роман проходит исключительно под маркой «научной фантастики». Почему так разошлись в оценках две аудитории? На первый взгляд, мир Арба выдуман от начала до конца, в нем, как кажется, даже законы физики несколько отличаются от нашего мира, а люди и

Земля появляются, как это и положено, только как одна из рас Мультиверса. Фантастического же в романе – исключительно инопланетный корабль, и то технология, по которой он создан, как, впрочем, и почти все необычные и умопомрачительные идеи Арабской теоретической науки, на поверку оказываются идеями, активно муссируемыми современной наукой и философией за последние полстолетия. Откуда тогда такая разница в оценках? Неужели научной фантастикой «Анафем» становится только в силу дремучести российской аудитории, далекой от современных идей? Вряд ли американская читающая публика окажется более просвещенной в этом отношении. Вместе с тем, если взглянуть на отзывы о романе в русском Интернете, аудитория нередко упрекает автора в том, что его фантастика скорее оказалась лженаучной, философия поверхностной, примитивной и непоследовательной, – и вообще, в чем интрига, если Платон в Протесе распознается моментально, а тех, «кто верит, что тройка миллиард лет назад тоже была простым числом», уже не осталось (читай, физическая наука давно победила крайний реализм).

В действительности, Стивенсон никогда не делал тайны из того, что его роман насквозь пропитан платонизмом. Трудно не догадаться, кто или что стоит за теоремой Адрахонеса, за казненным Феленом и его феленическим анализом или протесовыми формами. Грабли Диакса и Весы Гардана очевидно оказываются аналогом бритвы Оккама и дают некоторые вари-

анты ее формулировки: нельзя верить во что-то только потому, что хочется, чтобы так и было, и при сравнении двух гипотез предпочтение отдается более простой.

Кроме того, мы смотрим на мир Арба глазами фраа Эразмаса, чей концент входит в число Трех Нерушимых, единственных, которые существовали еще до эпохи Третьего разорения, а потому ревностно следовал древним традициям халикаарнийского ордена, которому противостоял процианский. Иначе говоря, – глазами ревностного сторонника идей Протеса, чей последователь Халикаарн резко отвергал идеи Проца (читай, синтаксис разошелся с семантикой).

Мы привыкли видеть мир, в котором платонизм представляется как борющийся с материализмом идеализм, или в контексте схоластических споров об универсалиях – как реализм, противопоставленный номинализму (и именно эти варианты интерпретации сюжетных линий романа как правило и фигурируют в Интернет-дискуссиях). А что если взглянуть на ситуацию иначе? Представим себе некий мир, в котором у платонизма по-прежнему только один враг – софистика, и тот, с точки зрения главного героя и его ближайшего окружения, практически утратил свои позиции. В конценте фраа Эразмаса на Новый Круг – реформированных последователей процианского ордена – смотрят свысока, считая их недалекими. Взятый в таком ракурсе роман Стивенсона предлагает нам

пройти два пути: а) завершить историко-философский квест, б) рассмотреть один философский кейс.

В чем заключается квест? В романе огромное количество новых имен и понятий (Стивенсон специально изобретает «новояз» для обозначения концепций и реалий Арба), и практически за каждым из них стоит наш «земной» аналог. Те, кто уверяют, что мгновенно разобрались в хитросплетениях изложения Стивенсоном своей «примитивной» философии, скорее всего, кривят душой. Многие поклонники «Анафема» безуспешно пытаются установить строгие соответствия между древними Светителями Арба и персонажами европейской философии. А поскольку ни одно действие, ни один разговор персонажей «Анафема» не происходит просто так, а непременно со ссылкой или в контексте той или иной философской концепции, это дает дополнительную возможность лишний раз вспомнить историю философии.

Например, Проц, главный противник протесистского учения, определяется в «Словаре» (который довольно часто прерывает повествование) следующим образом: «Проц, метатеорик поздней эпохи Праксиса, вероятно, убитый во время Ужасных событий. ... был ведущей фигурой в группе единомышленников, называемой Круг и утверждавшей, что символы вообще не имеют смысла, а всякое языковое общение – не более чем игра с синтаксисом, то есть правилами нанизывания символов. После Реконструкции был объявлен патроном синтаксической группы концента

св. Мункостера. В таком качестве считается родоначальником всех орденов, восходящих к этой группе, в противоположность орденам, берущим начало от семантической группы, чей патрон – св. Халикаарн» [1; 55]. С его фигурой нередко соотносят Гуссерля, Витгенштейна, Гильберта, Куайна, некоторые – даже Локка; как основателя Круга его можно соотнести с основателем Венского кружка М. Шликом. С его оппонентом, Халикаарном, отождествляют Гёделя или Кантора. Вероятно, только специальный анализ текста позволил бы однозначно сопоставить этих персонажей с каким-либо философом, хотя исключить возможность собирательного образа тоже нельзя.

Тем не менее, если в тексте сюжетная линия может отвлечь наше внимание от основного противостояния проциан и халикаарнийцев, то «Словарь» довольно часто дает подсказки, которые всё расставляют по местам и не дают запутаться в сюжетных хитросплетениях. Например, иногда под последователями Проца понимают номиналистов, тогда как согласно «Словарю», предшественниками проциан были сфеники, т. е. софисты: «Сфеники, представители теорической школы, процветавшей в древней Эфраде, где богатые семьи нанимали их учителями к своим детям. Во многих классических диалогах выступают оппонентами Фелена, Протеса и других мыслителей того же направления. Наиболее ярим С. был Уралоаб, которого в одноименном диалоге Фелен так уплотил,

что тот покончил с собой. С. оспаривали взгляды Протеса и утверждали, что теорика происходит исключительно в голове, вне всякой связи с внешними реалиями, такими, как протесовы формы. Предшественники св. Проца, синтаксической группы и проциан» [1; 646–647].

Итак, фактически платонизм по-прежнему противостоит софистике, и в романе этот момент подтверждает еще и легендарный сюжет о городских легендах о риториках и инкантерах, в которые не верят даже сами инаки. Риторы и инкантеры – излюбленная тема обсуждения для молодых инаков, и рано или поздно они убедятся в реальности их существования. Вот как отображаются эти легенды в «Словаре»: «Инкантер, легендарная фигура, ассоциирующаяся в мирском сознании с матическим миром и якобы способная изменять физическую реальность произнесением кодовых слов или фраз. Представление восходит к исследованиям, проводившимся в матическом мире накануне Третьего разорения, и было чудовищно раздуто массовой культурой, в которой вымышленные И. (предположительно связанные с халикаарнийской традицией) эффектно сражались со своими непримиримыми врагами риториками (процианами). Влиятельная историческая сувина утверждает, что именно неспособность многих мирян отличать подобные развлекательные выдумки от реальности в значительной степени стала причиной Третьего разорения» [1; 58].

Соотнося имена с учениями, мало кто замечает, что в той философской системе, которую предлагает Стивенсон, отсутствует фигура Аристотеля. Вернее, я не встречала, чтобы в каких-либо интерпретациях или версиях его имя хоть раз отождествлялось с кем-либо из персонажей. Однако само противопоставление халликаарнийцев и проциан как сторонников соответственно семантики и синтаксиса уже наводит на мысль об Аристотеле. Почему протесизм во всех своих формах негативно настроен к любым синтаксическим направлениям (от неприкасаемых Ита до Нового круга)? Ответ, вероятно, кроется в принципах платонизма и аристотелизма. Если платонизм направлен на сущности, то аристотелизм в первую очередь учит об отношениях. С точки зрения аристотелизма синтаксическая последовательность, отношение вывода может заменить (или создать) содержание. Платонизм, в свою очередь, если и говорит о каких-либо отношениях, то либо о самопредикации («красота красива», что тавтологично), либо о причастности¹ (которую не в состоянии объяснить), но ни то ни другое не даст содержания, потому что содержанием обладают только эйдосы и их возможные сочетания. Можно сказать, что Аристотель в романе присутствует, но в очень необычной роли – как примкнувший к софистическо-

¹ Под *причастностью* Платон понимал отношения между идеями и вещами, которые этими идеями порождены, но не мог дать удовлетворительного объяснения, каким образом внешние миру вещей идеи могут выступать их началами и причинами.

му лагерю. Вместе с тем, оба лагеря не являются полными оппонентами: и те и другие принципиально согласны с существованием причинно-следственных связей. И здесь, как кажется, Стивенсон берется за крайне амбициозную, почти фантастическую задачу: решить проблему причастности через концепцию «сложного протесизма»².

Для этого ему понадобился философский кейс. Представим себе, что у успешно развивающейся науки, достигшей успехов в области ядерного синтеза и синтеза материи, которая подчиняется другим законам физики, в геной инженерии и др., в какой-то момент времени были изъяты синтаксические устройства (компьютеры) и возможность практического применения теоретических и фундаментальных разработок. Сможет ли она развиваться и по какому пути пойдет? Если это платонизм, то каким образом он сможет выполнять роль не только исключительно философского учения, но и единственного объяснения?

Для начала, Стивенсон приводит самый безобидный вариант такой модели, иллюстрируя, что протесизм не только наилучшим образом подходит для этих целей, но и вполне органично может взаимодействовать с другими концепциями, казалось бы, явно противоречащими его установкам. Хорошей иллюстрацией будет *булкианский канон*. Булкианский ка-

² Сложному протесизму посвящен третий *кальк*, см. [1; 908-916].

нон – по сути третий путь между наивным реализмом и представлением о мире как о тотальной иллюзии³. «Если проследить логические доводы булкианской системы, то придёшь к выводу, что наш разум не способен продуктивно думать о Боге – если под Богом подразумевать базско-ортодоксального Бога, внепространственно-временного, то есть не существующего в пространстве и времени. <...> после булкианцев люди, которые занимаются метатеорикой, перестали говорить о Боге и о некоторых других вещах, таких, как свободная воля или что было до вселенной» [1; 338]. По сути речь идет о позитивистском (или даже нео-позитивистском) подходе, но сама идея включения его в состав платонизма может показаться неве-

³ В романе булкианский канон связывают с именем леди Барито, чей «муж был безмозглый повеса, а она, пользуясь его отсутствием, завела у себя дома салон. Все лучшие метатеорики старались попасть туда в тот час, когда из печи доставали горячие булочки. Посетители сменялись, неизменной участницей собраний была одна леди Барито. Она писала книги, но сама тщательно оговаривала, что изложенные в них мысли не принадлежат конкретному человеку. Кто-то пустил выражение «булкианское мышление», и оно прижилось» [1; 335]. В среде толкователей романа леди Барито отождествляется с леди Смит Вудвард, которая знаменита тем, что собирала автографы известных биологов своего времени (и муж которой отнюдь не был безмозглым повесой), и здесь кроется еще одна историко-философская задача. Во-первых, с салоном леди Барито скорее напрашиваются пересечения с эпохой Просвещения, а во вторых – просматривается явная отсылка к эмпирической проверке фактов, что в рамках булкианского канона скорее наводит на мысль о позитивизме, хотя судя по хронологии, описываемые события соответствуют философии Нового времени. Тем не менее, многие связывают булкианский канон со стоиками.

роятной. Тем не менее, у автора есть ответ: «Булкианцев часто упрекают в том, что они почти не знали чистую теорику. Многие теоры, глядя на труды Барито, говорят: «Минуточку, здесь чего-то недостаёт. Мы можем напрямую оперировать внепространственно-временными объектами, когда доказываем теоремы и так далее» [1; 338].

Таким образом, протесизм настаивает, что он может работать как в области пространственно-временных связей, так и выходить за ее пределы. Это утверждение соответствует набору посылок, который и определяет протесизм: «Первое допущение: сущности, которые изучает теорика, обладают бытием, независимым от человеческого восприятия, определений и умопостроений. Теоры не могут их создать. Только открыть. Второе допущение: человеческий разум способен воспринимать такие сущности, что и происходит, когда теоры их открывают» [1; 908-909]. У человеческого мозга есть способность воспринимать кнооны – теоретические сущности Гилейна теорического мира (Платоновского мира идей), треугольники, теоремы и пр.

Платон так и не смог предложить удовлетворительного объяснения тому, каким образом причины и начала вещей, находящиеся в каком-то внешнем по отношению к ним мире, тем не менее, способны выступать в таком качестве и оказывать свое влияние на вещи. Он назвал это взаимодействие причастностью. С точки зрения Стивенсона, можно объяснить, что

такое причастность, или как эйдосы (в его терминологии кнооны) формируют миры, в которых сами не могут быть представлены в качестве временных или темпоральных объектов. Но для этого ему понадобились концепции квантового компьютера (синтаксическая машина светителя Грода), квантового сознания, конфигурационного (Гемнова) пространства, концепции мультиверса Д. Дойча и Х. Эверетта, идеи Лейбница, Р. Пенроуза и К. Гёделя, а также концепции вычислительной метафизики Э. Залты и модельного реализма Д. Льюиса – инструментарий, которого не было и не могло быть у Платона. (Стивенсон подробно описывает свои источники в *Anathem Acknowledgements* [2], перевод которых включен в русскоязычное издание «Анафема» [1; 918-926]).

Каким образом на орбите Арба оказался космический корабль с Двоюродными, которые тоже прилетели не из другой галактики, а из другой «Обитаемой причинно-следственной области»? Стивенсон оговаривает, что называть такой мир «параллельным» не стоит. Речь идет о мирах, которые не имеют общих причинно-следственных областей, а связаны только однонаправленным «гилейным потоком» – потоком кноонов – которые текут от более протесовых к менее протесовым мирам. Очевидно, что гилейн поток может существовать и без знания разумных существ о нем (вопреки убежденности тех, кто не верит, что миллион лет назад тройка могла быть простым числом, поскольку без наблюдателя вообще не могла бы

существовать). А вот перемещение против гилеина потока к более протесовым (более совершенным) мирам без участия сознания невозможно: именно сознание улавливает красоту или совершенство, или другие кнооны, и тянется к ним (на что намекает па Ороло Эразмасу накануне их расставания в концерте). Ясно, что корабль прошел по пути эйдосов туда, откуда они спускаются из каких-то более совершенных миров, но чтобы объяснить, как это возможно, Стивенсону потребовалась некоторая теория квантового сознания, но такая, которая согласовывалась бы с концепцией Мультиверса.

За 16 лет до выхода «Анафема» Грег Иган [3] уже реализовал концепцию квантового сознания в романе «Карантин», которую издательства рекламировали как «квантовую катастрофу».

Сознание Ника, главного героя, обучается коллапсировать волновую функцию, пересобирая мир заново и выбирая именно тот вариант событий, в котором нужное действие произошло. Действия Ника заканчиваются катастрофой, причем как в каждый отдельный акт ее стягивания, так и в конечном итоге. На каждый акт выбора приходится размазывание личности на бесконечное число возможных вариантов. После выбора единственного нужного из них остальные возможности уничтожаются, стираются, унося с собой реальные жизни миллиардов личностей из тех вариантов, события в которых реализовались не так удачно, как хотелось. Можно ли не выбирать, можно ли

оставить все возможные варианты и сохранить жизнь всем возможным личностям, не убивая их самыми нелепыми и жестокими способами?

Это напоминает концепцию *касба* в исламской философии: Бог, чтобы не лишать человека свободы воли, незадолго перед тем, как тот должен осуществить неважно какое действие, творит для него все возможные (и, судя по всему, невероятные, в противном случае, мы должны исключить признаваемые исламом чудеса) варианты человеческих действий. Получаем, что человек, не являясь творцом своих собственных действий, выбор делает свободно, присваивая сотворенное Богом действие и, тем самым, приближаясь к тому, чтобы самому стать Богом, на максимально близкое расстояние. Возвращаясь к идее Игана, именно стягивание волновой функции делает нас обладателями свободной воли, а чистые состояния волновой функции – волевыми деятелями, присваивающими созидание Бога. Однако, стягивая волновую функцию, и вместе с этим уничтожая миры, вселенные и бесконечное число собственных версий себя в них, отыскивая то самое единственно нужное деяние, которое приведет к желаемому и обеспечивает свободу воли, мы сужаем спектр наших возможностей, а значит, подтачиваем могущество Бога, обрезая и уничтожая вероятности. Если отказаться от стягивания волновой функции, прекратить уничтожать миры и версии себя, отменить выбор из вероятностных действий, обеспечивающих чистое состояние волно-

вой функции, которое обеспечивает мне свободу воли, тем самым мы лишаемся свободы воли, делая себя рабами его, автоматами. По версии Игана, какая-то часть человечества предпочла тотальную смерть своих личностей такому выбору: жить безвольным существом, не в состоянии сделать жестокий выбор или, совершив этот выбор, жить с тем грузом, который обретаешь в результате.

В случае с Ником до конца остается непонятным, действительно ли его сознание причиняет коллапс волновой функции или только сознает это, тогда как реализуется эта способность за счет вшитого в мозг мода (программы, управляющей определенными способностями). Что касается Стивенсона, то здесь причинность необходима и сознание функционирует принципиально иначе.

Поликосмическая концепция сознания, предлагаемая Стивенсоном, на первый взгляд, сулит более гуманный исход событий. После того, как «теоры лишились коллайдеров, они подняли глаза к небу и сделали космографию своей лабораторией. У них не было другого способа превратить философию в теорику» [1; 552]. Иными словами, если до наблюдения между мирами, принадлежащими разным причинно-следственным областям, существует слабая интерференция, то после наблюдения каждый из них начинает жить своей собственной независимой жизнью. Происходит бифуркация космоса: он раздваивается на два отдельных независимых состояния. При этом

коллапс волновой функции не происходит и все возможные личности не стираются. Вместо этого существует множество параллельных миров с множеством параллельных мозгов в одном определенном квантовом состоянии, которые связывает квантовая интерференция и обеспечивает их взаимодействие друг с другом. Каждый мозг улавливает все возможные альтернативные сценарии, которые реализуются с его двойниками. В таком случае задача сознания состоит не в стягивании волновой функции и уничтожении ненужных двойников, а в том, чтобы найти такое повествование, в котором реализуется наиболее выгодный для ситуации сценарий (как с точки зрения достижения необходимых результатов, так и с точки зрения минимализации ущерба для его достижения). Термин «повествование» использует в романе фраа Джад, иначе тысячелетнего матика из Эрасмасова концента, определяя его следующим образом: поскольку Вселенная одна по определению, то она не является космосом, который мы видим глазами и в телескопы. Такой космос – лишь одно повествование, которое можно представить как ниточку, выходящую через Гемново (конфигурационное) пространство, в котором помимо нашего повествования есть множество других, то есть в таком конфигурационном пространстве существует множество точек, которые лежат справа или слева от пути реализации каждого повествования и не входят в него. Каждое повествование, – уверяет фраа Джад, – представляется находящемуся

в нём разуму единственным. Но сознание можно натренировать таким образом, что оно будет способно пользоваться своей возможностью перехода из космоса в космос и поворачивать все повествование нужным образом, актуализируя состояние того космоса, в котором события развиваются максимально приемлемым образом (ближайший аналог – «наилучший из миров» Лейбница). Именно эту способность давно освоили риторы и инкантеры.

Фраа Джад неприкрыто выполняет в романе функцию Бога, только подтверждая преклонение, благоговение и мистический ужас перед тысячелетниками и оправдывая мистические легенды о необычных праксисах, разработанных и применяемых риторам и инкантерами, которые способны изменять прошлое и будущее, вследствие которых и произошло Третье разорение. И вот тут становится понятно, что давние враги протесистов-халикаарнийцев, проциане, являются необходимым элементом в этой системе. Главный оппонент Эдхарианских инаков, неприятный и заносчивый процианин фраа Лодогир, как раз и оказывается одним из риторов, чья функция – зачищать несоответствия в событиях прошлого для тех сознаний, которые по воле тысячелетника оказались не в своем повествовании. «Главное практическое следствие для меня – продолжающееся и даже более эффективное сотрудничество между тенденциями, которые в массовом сознании воспринимаются как инкантеры и риторы. Проциане и халикаарнийцы рабо-

тали вместе в недавнем прошлом и, как тебе известно, достигли результатов, глубоко поразивших тех немногих, кто о них знает. – Говоря, Лодогир смотрел мне прямо в глаза. Я понял, что он имеет в виду изменение мировых путей, которое, помимо всего прочего, поместило ффраа Джада на «Дабан Урнуд» при том, что с Арба зафиксировали его гибель» [1; 840].

Разумеется, поскольку мы имеем дело не с идеальной системой, а только с «лучшим из миров», чем-то приходится жертвовать, хотя масштабы этих жертв не такие, как у Игана. Стивенсон жертвует ффраа Джадом и ффраа Ороло, вернее, тысячелетник жертвует собой ради спасения всего мира, отправляя новое повествование по тому пути, в котором нет самого тысячелетника. «Некоторые мировые пути – некоторые состояния дел – требуют, чтобы некоторых людей... не было» [1; 855].

В 2014 году Питер Уоттс издает роман «Эхопраксия» [4], который в каком-то смысле избавляет читающую публику от проблем квантового сознания, концепция которого за почти 20 лет своего существования в научной фантастике успела обрасти мхом недовольства, а вместе с ним переводя проблему сознания в новое русло. В частности, в «Эхопраксии» он вводит концепцию бикамерального разума, от которого именно Платон, по мнению Дж. Джейнса, уже успел однажды избавить человечество⁴. У Джейнса

⁴ О концепции Дж. Джейнса см. в статье: [5].

бикамеральный разум – это разум, лишенный сознания. Джейнс полагает, что полушария мозга в дописьменный период еще не были коррдинированы, а своего рода «координация» осуществлялась за счет слуховых галлюцинаций – сигналов от правого полушария, которые люди слышали регулярно и воспринимали как божественные голоса, и которым левое полушарие беспрекословно подчинялось. Люди дописьменной культуры не рефлексируют, не задают себе вопросов, не задумываются над принятием решением, но только механически выполняют команды. Именно Платоновский Сократ, вопрошая самого себя, перевел сознание на новый, рефлексивный, уровень существования и придал ему вектор развития, на который выходят Иган и Стивенсон.

При этом сам Уоттс, хотя и возвращается к идее бикамерального разума, подчеркивает, что взял эту идею не у Джейнса, и его «двухпалатники» (так в русском переводе именуются носители бикамерального разума) делают со своим мозгом совершенно не то, что согласно Джейнсу, происходило с гомеровскими греками и другими дописьменными цивилизациями. Уоттс уходит от правополушарных голосов в голове к голосам снаружи, к утрате границы тела, а значит, к обретению перманентного экстаза, но в то же время, и от левополушарного распознавания образов и математики к вакханалии мгновенного распознавания даже тех образов, которых, как уверяет нас Уоттс, вовсе не существует, а тем самым и к безгра-

ничным возможностям понимания и управления миром. Уоттс не только сливает множество сознаний в один рой, как это происходит с двухпалатниками, но и дробит сознание на независимые отдельные личности в пределах одного мозга (в «Ложной слепоте» [6]) или, оставляя героя с одним только полушарием (синтет Сири Китон в «Ложной слепоте»), обрекает его на нескончаемый монолог с самим собой. Его герои не нуждаются в иных мирах или свободных квантовых состояниях – вся полнота возможных переживаний гарантирована им состоянием их сознания.

Иногда популяризаторская функция современных научных концепций лучше дается фантастам, чем профессионалам. И Иган, и Уоттс, и Стивенсон, несомненно, относятся к их числу. Но вместе с тем все-таки создается впечатление, что жанр, в котором работает Стивенсон в «Анафеме», все же ближе к фэнтези, чем к научной фантастике, разве что роль магии здесь играет философия в контексте ее истории.

Те, кто упрекают Стивенсона в поверхностной и тривиальной философии, вряд ли правы: трудно представить, чтобы ему удалось за пару лет создать нечто лучшее, чем без малого за 3000 лет смогло человечество. Историко-философский квест, который предлагает Стивенсон, мог бы прекрасно послужить дидактическим целям, как минимум, выступить тренажером остаточных знаний или историко-

философским практикумом через узнавание философских доктрин, сличение формулировок, распознавание интеллектуального контекста в тексте «Анафема». Более смелый вариант, но вполне реализуемый – использовать его в качестве альтернативного пути преподавания истории философии. В любом случае, роман не толкает нас вперед, к новым рубежам науки (как это произошло с «Карантином»), а напротив, заставляет остановиться, еще раз взглянуть на нашу интеллектуальную историю, и понять, наконец, во что же мы на самом деле верим, действительно ли мы ярые поклонники платонизма, хотя давно себя такими не считаем, и вспомнить, что наука – одна из серьезнейших форм идеологии, которая в своем следовании догмам и интеллектуальным установкам мало отличится от религии. Во всяком случае, это может дать нам дополнительный толчок к тому, чтобы освободиться от стен взаимного непонимания между «учеными» и «мирянами», от догматов, для чего, вероятно, придется принять в свой мир «инопланетян» – тех, кто мыслит иначе, и только после этого сделать шаг. А будет ли это шаг к чему-то новому, или мы останемся в привычной области причинно-следственных связей, решать только нам.

Литература

1. Стивенсон Н. Анафем / Пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. М.: АСТ: Астрель, 2012. – 926 с. Оригинальное издание: Stephenson N. Anathem. William Morrow and Company, 2008. – 928 p.
2. Stephenson N. Anathem Acknowledgements [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nealstephenson.com/acknowledgments.html>
3. Иган Г. Карантин. М.: АСТ-ЛТД, 1997. – 480 с. Оригинальное издание: Egan G. Quarantine. Legend paperbacks; New Ed edition, 1993. – 248 p.
4. Уоттс П. Эхопраксия / Пер. Н. Кудрявцева. М.: «АСТ», 2016. – 539 с.
5. Шершнёв Е.Л., Подзолкова Н.А. Бикамеральный разум и платоновская трансформация сознания // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1(32). С. 277–279.
6. Уоттс П. Ложная слепота / Пер. Д.М. Смушкович. М.: «АСТ», 2009. – 450 с.